

Заглавие документа:

Уланович О.И. ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: Материалы II-ой Международной научной конференции, Курск, 14-16 мая 2009 г. – Курск: КурскГТУ, 2009. – Ч. 1. – С. 354 – 358.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Когнитивная лингвистика

Дата публикации: 2009

Издатель: Курский государственный технический университет

Аннотация: *Рассмотрение текста в обыденном сознании только как продукта и результата речевой деятельности весьма ограничивает референтное пространство термина. Признание динамической природы текста и современное его определение одновременно и как процесса текстопорождения и как результата речевой деятельности значительно обогащает научную специфику понятия. Текст – динамическая, связная последовательность знаков или образов, знаний и экстралингвистических факторов, выражающая определенное содержание и способная к приращению смысла, что обеспечивается свойством интерпретируемости и уровневой смысловой структурой текста (содержание – общий смысл – скрытый смысл (импликация) – глубинный смысл).*

О.И. Уланович

ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Гуманитарная парадигма в научном исследовании делает человека мерой всего сущего, будь то познание природы и общества, в целом, либо изучение более узкой проблематики, как человеческий язык, вербальный интеллект, речевая деятельность. Традиционное языкознание тяготеет к кабинетному изучению языка и в значительной степени акцентирует своё внимание на описании его внутреннего строения. Так, сугубо лингвистическое исследование текста предполагает выявление специфики его структурно-семантической архитектоники как продукта естественного языка вне учёта фактора рефлексии продуцента/реципиента и коммуникативной ситуации общения. Однако при таком подходе за бортом оказывается человек (личность), носитель языка, овладевающий и владеющий языком, субъект текстовой деятельности. Актуальным представляется изучение текста как психологического явления, акта рефлексии личности субъекта (языковой личности, а не просто «идеального»

носителя языка), преломляемого через определённый социокультурно-языковой контекст. Рассмотрение текста как способа отражения некоторой действительности в сознании языковой личности с помощью элементов системы языка позволяет увидеть привычный объект языкознания в свете «человеческого фактора», с акцентом на «живой жизни языка в рамках жизни общества» (Ф. де Соссюр).

Всякий взрослый человек скажет, что категория «текст» ему понятна: это некоторое сообщение, представленное средствами национального языка. Принципиальной ошибки в определении нет, но очевидна его ограниченность. Допустимо ли включение любого знакового продукта (скажем, балета, художественного полотна, немого кино, карикатуры и т. п.) в понятие текста? Уточнение референтной области категории представляется интересным через контраст представлений обыденного сознания и фактов научного знания.

Рассмотрение текста в обыденном сознании только как продукта и результата речевой деятельности весьма ограничивает референтное пространство термина. Признание динамической природы текста и современное его определение одновременно и как процесса текстопорождения и как результата речевой деятельности значительно обогащает научную специфику понятия. В отличие от единиц более низкого порядка и статических по своей природе, таких как слово или фразеологизм (единиц языка), текст (как основа речи) динамичен. Динамичность текста предполагает этапы его порождения, рецепции и дальнейшего распада в случае отсутствия материальной фиксации [5]. Однако зафиксированный текст представляется односторонним, формальным и остаётся несостоявшимся до тех пор, пока не актуализируется его смысл, что происходит лишь в процессе его восприятия и понимания реципиентом.

Не существует инварианта смыслового содержания текста, оно динамично. Во-первых, индивидуальные особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной сфер личности реципиентов порождают неограниченную вариативность понимания одного и того же сообщение через субъективную рефлексию, проекцию, интерпретацию, осмысление. Во-вторых, развивая идею Л.С. Рубинштейна в контексте современной текстологии, можно утверждать, что текстопорождение есть формулирование мысли, но формулируя, продуцент сплошь и рядом её формирует. Текст – есть психологическое динамическое явление, процесс развития мысли, *акт рефлексии личности продуцента / реципиента* (языковой личности), проекция содержания его «языковой сокровищницы души», как образно отметил И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Обыденное сознание под текстом склонно подразумевать сообщения письменные, даже печатные. В теории же текстом, как правило, именуют любое последовательное выражение какого-либо содержания, не обязательно письменное. По мнению Т.Н. Ушаковой отнесение термина «текст» исключительно к письменному варианту речевой продукции аргументируется расхождением синтаксиса, словаря направленности

(монологической, диалогической) и других особенностей письменной и устной речи. Важно, что «и устная, и письменная формы – это продукт единого по своей сути речетворческого процесса, словесно выраженный результат речемыслительной деятельности человека» [8, 107].

«Вербальность» текста следует рассматривать в самом широком семиотическом смысле. Знаковой основой текста может выступать *звуковой семиотический субстрат*, если текст воспринимается на слух; *визуальный семиотический субстрат* при зрительном восприятии; *тактильный семиотический субстрат* при восприятии посредством осязания (например, на азбуке Брайля) [7, 34]. Текстом наряду с литературным произведением мы можем назвать и музыкальное произведение, и произведение живописи, и балет, и немое кино. Именно произведения живописи А.А. Брудный называет *текстами культуры*. Обладающие высокими художественными достоинствами и (или) глубиной смысла, они выходят за узкие для них феноменологические границы понятия текст, но порождены в знаковой форме и являются семиотическими продуктами процесса мыследействования. Более того, тексты включают в себя не только произносимые или написанные слова (знаки естественного языка); жесты, мимика, условные знаки, пантомима, сама идеальная ситуация общения могут также быть органичной составной частью текста как проекции фрагмента действительности. Отсюда вполне оправданным представляется выделение О.И. Ревуцким *лингвистического, смыслового и экстралингвистического* уровней текста [6].

Разделяя мнение Ю.М. Лотмана, что «язык есть порождение текста на определенной стадии его функционирования» [4, 4], можно предположить, что способность продуцировать тексты на языке является критерием владения этим языком. Процесс и результат усвоения иностранных языков только подтверждает предположение: подлинное владение наблюдается тогда, когда человек свободно строит собственные высказывания, продуцирует тексты. Аналогично этому возможность создавать живописные или музыкальные произведения – тексты в широком семиотическом смысле – есть показатель уровня владения субъектом языком живописи или музыки. По мнению Л.Н. Мурзина, «достижение высокой степени свободы языка на уровне текста – это не только цель, но и неперемное условие владения языком» [5, 40]. Под *степенью свободы языка*, очевидно, следует понимать такое владение человеком богатством языковых и стилистических средств, умение находить новые синтагматические связи и новые контексты использования известных слов, которое позволяет говорить об эстетической, особой смысловой, стилистической, социальной ценности порождаемых речевых произведений.

Универсальным свойством текста, признаваемым многими авторами, исследовавшими феномен понимания текстов, является его *интерпретируемость* или возможность неоднозначного осмысления сообщения через призму индивидуально-нравственного и социально-культурного опыта индивида. Можно утверждать, что далеко не каждый

семиотический продукт есть текст. Дорожные знаки, эмблемы, таблицы, аксиомы не относятся к категории текста: они предполагают лишь одно толкование, строго им и предписанное, а, следовательно, информативно значимы, но коммуникативно нейтральны. Тогда как текстом можно назвать и отдельный заголовок произведения, и даже карикатуру при условии их интерпретируемости.

Интерпретируемость текста предполагает наличие определённого содержания и смысла, что является отражением действительных объектов и связей между ними как неравнозначных и проявляется в смысловой упорядоченности текста [2]. «Содержание» и «смысл» сообщения – категории близкие, но не тождественные. Содержание текста можно определить как отображённое в тексте событие – совокупность действий, сцен, эпизодов. Смысл, по мнению Н.И. Жинкина – то, что отражает наличную действительность [3]. Схематично смысл представляется интеграцией содержания в коммуникативный контекст. Последний выступает фрагментом действительности, закодированной в тексте, отсылкой к какой-либо реальной ситуации со всеми предполагаемыми идеальными условиями.

По сути дела, не текст обладает смыслом, как традиционно говорят в обыденном сознании, а реципиент наделяет текст определённым смыслом в процессе понимания. Важным представляется выделение *уровней смысла*, определяющих глубину понимания сообщения. *Нулевым уровнем* выступает понимание собственно содержания текста, как цепочки действий, сцен, эпизодов, установление между содержательными элементами пространственно-временных отношений. Зачастую понимание текста ребёнком ограничивается этим уровнем, что оправдано как возрастной несформированностью адекватного психологического наполнения языковых знаков и категорий в сознании (системы понятий и логических категорий), так и различной степенью социальной и языковой перцептивной готовности. Понимание содержания текста не рефлексивно. *Первым уровнем* выступает уровень общего смысла, как результат вскрытия общего коммуникативного контекста сообщения и преломления его содержания через призму соответствующих объективных условий. Такое понимание рефлексивно и предполагает установление причинно-следственных связей через усмотрение соответствий языковых и логических категорий. Более глубокое понимание представляется выявлением скрытого смысла, импликации (*второй уровень*) посредством вскрытия подтекста авторского слога, стиля, словесно-семантической игры, прагматического контекста. Понимание на этом уровне выступает рефлексией 2-ого порядка. Установление глубинного смысла (*третий уровень*), который, в свою очередь, ограничен лишь богатством индивидуального опыта реципиента, является, по сути, актом самопознания субъекта, интеграции текста в индивидуальную картину мира, рефлексией 3-его, 4-ого, n-ого порядка.

А.А. Брудный, основываясь на соображениях, в тезисной форме высказанных С.Л. Рубинштейном, выделяет три типа текстов по степени

емкости потенциальной смысловой структуры [2, 136]. В текстах первого типа никак не обозначены опорные точки, ограничивающие как глубину, так и возможность качественно варьировать их понимание. К этому типу текстов А.А. Брудный относит библейские тексты, предсказания, сообщения, образованные последовательностью знаков недешифрованных языков. В текстах второго типа все элементы однозначно представлены именно в том значении, в котором они только могут и должны быть поняты читателем. Таковы, например, научные тексты, их смысловая структура ограничена. Третий тип образуют тексты, содержащие ряд направляющих смысловых линий, доступные глубокому вариативному пониманию. Сюда, в идеале, относятся литературно-художественные произведения. Как образно заметил А.А. Брудный, «смысл текст на определённом уровне сложности системы способен к самопорождению» [2]. В нашей компетенции предполагать понимал ли автор под «сложностью системы» сам текст с его композиционно-смысловой структурой или же самого человека с его спецификой вербально-смыслового конструкта сознания.

Итак, под текстом мы подразумеваем динамическую, связную последовательность знаков или образов, знаний и экстралингвистических факторов, выражающую определённое содержание и способную к приращению смысла.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 1. – 368 с.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. – 332 с.
3. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. – Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
4. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
5. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: УГУ, 1991. – 172 с.
6. Ревуцкий О.И. Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого. – Мн.: НИО, 1998. – 67 с.
7. Уланович О.И. Психоллингвистика. – Мн.: МИУ, 2004. – 74 с.
8. Ушакова Т.Н. Текст как объект психологического анализа // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – №1. – С. 107 – 120.